А.М.Камчатнов

О символическом истолковании семантической эволюции слов ЛИЦЕ и ОБРАЗЪ

В последнее время все более утверждается мысль о том, что гуманитарное знание по своей природе является интерпретационным/I/. Познание феноменов, относящихся к ведению гуманитарных наук(мораль, право, искусство, язык), возможно лишь в форме истолкования их смысла. Это связано с включенностью науки, самой фигуры ученого в культурный контекст, в исторически живой процесс созидания тех самых объектов, которые являются предметами познания. Предмету в гуманитарном познании противостоит не отвлеченное рациональное "Я", а конкретная правовая, моральная, эстетическая, языковая личность, для которой объяснение явлений - лишь один из моментов ее существования в культуре. Признание интерпретационной природы гуманитарного, в том числе и лингвистического знания ставит перед методологией вопрос о достоверности истолкования. Цель этой статьи заключается в попытке применения метода символической интерпретации к конкретному историческому языковому материалу и в оценке этого метода.

Теория символа зародилась в античности у Платона в его учении об идеях, была развита Дионисием Ареопагитом в его учении о божественных именах как символах божественных энергий, Николаем Кузанским в его учении об имени, в котором "мерцает" бесконечная божественная форма. В Новое время теорию символа разрабатывали Ф.В.Шеллинг, В.Гумбольдт, А.А.Потебня, П.А.Флоренский, А.Ф.Лосев, К.Г.Юнг, Э.Кассирер. Теория символа находит свое применение в эстетике, литературоведении, искусствоведении, и достойно удивления то, что историки языка, прежде всего лексикологи, проходят мимо символа, как будто эта категория не применима к слову. По-видимому, это объясняется тем, что

историческая лексикология возникла на почве исторической лексикографии и по-прежнему решает главным образом ее задачи. Если к слову подходить как к единице словаря, то целью лингвистического описания становится выявление по возможности всех значений этого слова, в которых оно употреблялось на протяжении какого-либо отрезка времени. Как показывает практика, достоверное определение как денотата, так и сигнификата слова является нередко весьма трудной задачей. И все же, при неоспоримой важности решения этой задачи, нельзя не видеть того, что лексикограф и лексикографически ориентированный лексиколог имеют дело со словом как с готовым продуктом, тогда как слово - это не единица словаря, а деятельность и орудие деятельности, суть которой "состоит в том, чтобы отливать(giessen) в форму мыслей материю мира вещей и явлений" /2/. Если мы хотим понять слово как орудие, которое сформировано человеческим мышлением и которое само оказывает обратное влияние на мышление, мы должны смотреть на него как на символ. Это значит, что мы должны признать не только возможность бесконечного смыслового варьирования слова в речи, но и направленный, а не хаотический, характер этого варьирования, устремленность семантической эволюции слова к бесконечному смысловому пределу, который можно назвать "идеей" слова. Вот эта-то "идея" слова, которая, сформировавшись, незримым образом управляет нашим языковым мышлением, и должна интересовать нас более всего; причем историка языка особенно интересует фаза начального становления этой "идеи".

Предметом нашего истолкования стали слова лице и образъ. Эти слова в древнерусском языке были синонимами, доказательством чего служит возможность их употребления в одном контексте. Так, в разных списках "Константинова дара", восходящих, по нашему мнению, к двум разным переводам этого текста, на

месте греч. μορφή употребляется то слово лице, то слово образъ: τρεῖς τοίνυν αἱ μορφαί, ἀλλὰ μία ἡ δύναμις – три оубо образы, нъ едина сила/3/, три оубо лица, нъ едина сила/4/ (речь идет о Божественной Троице). Поскольку, как всем хорошо известно, синонимы всегда различаются или эмоциональной окраской, или оттенком значения, то употребление синонимов в одном контексте должно иметь какой-то смысл; однако современному читателю этот смысл не очень ясен, поэтому он оказывается в герменевтической ситуации, то есть в ситуации непонимания и недоверия своему непосредственному знанию языка. Достоверный ответ на вопрос о смысле этой замены будет одновременно и выходом из этой ситуации; как будет показано ниже, такой ответ возможен на пути символической интерпретации слов лице и образъ.

Начнем анализ с этимологии слов лице и образъ.

Этимоном слова образъ является 'сформованный резанием, вырезанием'/5/. Это слово, производное от обрѣзати, возникло еще в праславянском языке.(В недавней статье М.И.Чернышевой сделана попытка внести корректив к объяснению происхождения слова образ путем анализа приставки об-. По ее мнению, среди прочих эта приставка имела значение 'обратное движение, направленное с одного предмета на другой', вследствие чего образ заключает в себе идею слепка, отпечатка с чего-либо/6/. По-видимому, имеется в виду что-то вроде возвращающегося взгляда скульптора и повторных ударов молота при создании скульптуры. Это остроумное предположение все же вызывает сомнение. Значение возвратного движения извлечено М.И.Чернышевой всего из двух слов: образитися 'удариться, наткнуться' и обратити 'повернуть, обернуть, обратить'. Идея обратного движения действительно заключена в этих словах, однако она выражена не приставкой; в первом случае она выражена возвратным местоиме-

нием сѧ: образитисѧ - 'ударить, поранить себя', где приставка имеет значение внезапности, ср. обрезаться; во втором случае о идея обратного движения выражена корнем: об-(в)рат-и-ти, а приставка имеет значение кругового движения, ср. обернуться в полчаса. Значение 'отпечаток' у слова образъ возникло в результате семантического калькирования греч. τύπος 'отпечаток'; такая калька возможна потому, что этимологическое значение 'сформованный путем кругового вырезывания' → 'изображение' стало, используя терминологию А.А.Потебни, внутренней формой, или формой представления, идеи отпечатка вследствие того, что отпечаток - это тоже изображение, хотя и полученное другим способом).

Этимология слова лице до сих пор не вполне ясна. Наиболее интересную и глубокую гипотезу высказал О.Н.Трубачев: "Из материалов по и.-е. сравнительной синонимии мы узнаем, что понятие и значение 'лицо' развилось в разных языках из понятий 'вид', а также 'форма, образ'. Последняя лексика, более всего интересующая нас в данном случае, обычно отглагольна, производна от глаголов со значением 'формовать', конкретно - 'делать'(как в лат. facies 'лицо'< facere ; чеш. tvář , польск. twarz<*tvoriti), 'формовать резьбой'(*obrazъ , в некоторых слав. языках также в значении 'лицо',<*obrězati, *rězati). Остановимся на понятии 'формовать', поскольку есть основания думать, что исходным для слав. *likъ , *lice явилось понятие 'формовать л и т ь е м', а само это название лица, образа, облика соответственно произведено от глагола *liti , что отражает культурное значение литья и литейного формования в достаточно ранней слав. древности. Предлагаемая нами этимология *likъ, *lice как именного производного с суф.-k- от *liti контролируется также четкими, хотя и завуалированными, особенностями совре-

менного словоупотребления, напр. русск. в ы л и т ы й отец (может быть сказано о сыне, очень похожем на отца), далее - повторением в гнезде *likъ особенностей глагольного словообразования, ср. *oblikъ - *obliti "/7/. Возражая О.Н.Трубачеву, М.Ф.Мурьянов пишет, что археологические данные не содержат сведений "о скульптурном искусстве праславянских литейщиков", поэтому "вылитых отцов" древние славяне не творили, а став христианами, опять же не обрели никаких стимулов для развития этого вида изобразительного искусства, в сфере влияния византийской культуры запрещенного"/8/. М.Ф.Мурьянов полагает, что при образовании слов лик, лицо реализована семантика зрения, а не формования, что обосновывается следующими соображениями: "Немецкое существительное Antlitz, в древнейшей форме antlizzi, после отчленения приставки Ant- "напротив", обнаруживает корень, как раз соответствующий славянскому слову, целое немецкое слово имеет исходное значение "то, что смотрит навстречу"(по той же смысловой модели построено греческое приставочное существительное πρόσωπον). Готское существительное, в котором представлен этот же корень, имеет значение "внешность, видимость, образ", сюда же этимологически относится латинское vultus "лицо". Таким образом, в основе всех рассмотренных слов - действие зрения, а не литейного производства"/9/. Эта этимология, вероятно, решала бы проблему, если бы нам было известно хоть что-нибудь о том и.-е. глаголе со значением 'видеть, смотреть', от которого образованы ликъ, лицо; Antlitz, wlits, vultus (ср. греч. ὁράω - πρόσωπον, русск. видеть - вид). Пока же это гипотетический x, которому приписано значение 'видеть, смотреть'. В этом отношении этимология О.Н.Трубачева выглядит предпочтительнее: есть глагол лить, есть его производные лик, лицо. Следует, однако, заме-

тить, что лить можно не только расплавленный металл, но и, например, воду. Если налить воду в сосуд и заглянуть в него, то в нем можно увидеть лик, который смотрит навстречу(особенно хорошо видны щеки, отсюда у слова лице значение 'щека'). Конечно, это чисто умозрительная догадка, однако она позволяет примирить обе гипотезы.

Слово, указывает А.Ф.Лосев, всегда есть понимание, интерпретация предмета: "Имя предмета – арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого" /10/; "Тайна слова в том и заключается, что оно – орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью"/11/. Поэтому теперь следует рассмотреть, что же в истории языка воспринималось и интерпретировалось в свете этимонов слов лице и образъ.

Словарные материалы показывают, что слово лице чаще становилось ареной встречи сознания с массивной оформленной вещественностью. Воспринимаются как литые лицо человека, щека, отдельный человек, передняя часть предмета, внешний облик, цвет, изображение/12/. Отвлечение от этой вещественности лица затруднено. Когда сознание встречается с предметом на территории слова лице, предмет отяжелевает, наполняется материей, что наглядно проявляется в сочетаемости слова лице с другими словами. Вот несколько примеров, извлеченных из Мариинского евангелия, Изборника 1076г., Успенского сборника XII-XIIIвв. В атрибутивных сочетаниях выявляется главным образом материальный характер лица: лице дрѧхло, свѣтьло, цвѣтоуще, кроугло, красьно. Реже случаи, когда лице выражает душевное состояние, духовную настроенность: лице весело, лоукаво, бестоуда и срама, тихое. В глагольных сочетаниях лице также прежде всего становится объектом физического воздействия и

восприятия: лице пльвано бысть, лице обвязано бѣ, оумыти лице, бити по лицю, покрыти лице, положити лице, облияти лице, доуноути на лице, пьхноути въ лице, пасти на лице, видѣти лице, зьрѣти лице. Реже употребляются сочетания, в которых физическое действие с лицом выражает душевное состояние или отношение: не отврати лица своего отъ ништа/13/, лоукавьство жены измѣняеть зракъ ея и посоупляеть лице свое/14/.

Лице - это такой атрибут, признак предмета или субъекта, который имманентен самому предмету; изменения в нем всегда отражают изменения самой сущности. Если к тому же учесть преимущественно материальный характер этого атрибута, то станет понятным, что он может служить субститутом самого предмета. Лице - это такая часть человека, которая замещает самого человека и становится постепенно средоточием уникальной человеческой индивидуальности. Слово лице в субстанциальном значении употребляется в таких предложениях: сынъ быхъ... любимъ предъ лицьмь матре своеа/15/, творити прѣдъ лицьмь фараонемь знамениіа/16/, посъла вѣстьникы прѣдъ лицемь своимъ/17/, изиде диіаволъ ѡт лица божиіа/ 18/. Как видим, слово лице превратилось в подходящий термин для обозначения уникальной единичной субстанции: лице же есть еже своими дѣиствы и своиствы іавлено и отълоучено отъ единоестьствьныихъ емоу подаеть обличение/19/, то есть "лицо есть то, что своими действиями и свойствами явным образом выделяется из одноприродных с ним (сущностей)".

Особенности этимона слова образъ предопределили иной путь его семантического развития. Словарные материалы показывают, что сформованными путем резания воспринимались внешний вид, изображение, знак, символ, подобие, форма/20/. Чувственная вещественность предметного поля, связанного со словом образ

тонка, ажурна, графична; она словно бы вся на границе предмета с миром, поэтому образ предмета легко отвлекается от него, легко превращается в посредника между предметами, между миром чувственным и сверхчувственным, то есть или в знак, или в прототип, или в форму, или в символ. Когда сознание встречается с предметом на территирии слова образъ, предмет как бы освобождается от материи, превращается в силуэт. Слово образъ начинает обозначать такой признак, который, при всей своей внешней определенности, является как бы полым, не связанным существенно ни с чем внутренним, поэтому образ может служить пристанищем любой сущности. Если лице неотделимо от сущности и выражает собой жизнь этой сущности, то образъ означает лишь внешнюю, видимую обработку, которая может затронуть, а может и не затрагивать сущности. Приведем примеры.

Прѣставити сѧ въ образъ: аще бо съ моудрыми ч҃лвкы бесѣдоующе скоро въ образы ихъ прѣставимъ сѧ/21/ - то ли и в самом деле станем мудрыми, то ли приобретем видимость мудрецов.

Ѩвити сѧ инѣмъ образомъ: по сихъ же дъвѣма отъ нихъ грѧдоущема ѩви сѧ инѣмъ образомъ/22/ - то есть явился в другом внешнем виде.

Облѣкати сѧ въ образъ: вьсѣмъ оубо образъмь ч҃лвчьскъмь въ рабии образъ облѣчесѧ вьсѣхъ вл҃дка, то есть по человечеству Господь облекся в образ раба, по божеству оставаясь Владыкой.

Възѧти образъ: блаженыи сь възѧть образъ вражии да и прѣлоукоуеть и побѣдить, то есть блаженный только прикинулся, притворился врагом, чтобы с помощью этой хитрости победить.

Измѣнити образъ: въставъши же абие отиде въ инъ градъ и измѣнивъши образъ свои быс(ть) въ гостиньници/23/, то есть изменив внешний вид.

О коллизиях внутреннего и внешнего, противоречиях сущности и образа свидетельствуют следующие высказывания: видѣвъши с

сама въ таком злѣ образѣ сама сѧ окаеть; сльзы погладиша съгрѣшение: поплачи сѧ оубо и ты о грѣсѣ нъ не простѣ ни образъмь тъчью нъ поплачи сѧ горьцѣ/24/; идѣ же брацы и пирове, ту черньцы и черницы и безаконие: ангельскии имѣя на себѣ образъ, а блядныи нравъ/25/. В последнем высказывании образъ противопоставляется нраву: очевидно, для Заточника образъ - это внешний, видимый признак, скрывающий сущность, а нравъ - признак, напротив, эту сущность выражающий/26/.

Возникает вопрос: было ли это семантическое развитие самостоятельным в древнерусском языке или оно было предопределено переводами с греческого? Представляется, что перевод(особенно когда он является пословным) - это акт взаимопонимания, когда чужое слово понимается в свете своего и свое понимается в свете чужого, поэтому переводы могут актуализировать заложенные в слове потенции семантического развития, но могут и навязывать слову несвойственные ему значения.

Слово лице являлось неизменным эквивалентом греч. πρόσωπον. Это слово образовано от корня -оπ-, связанного с глаголом ὁράω 'видеть, смотреть', πρόσωπον - 'передняя часть того, что видят, что смотрит навстречу' → 'лицо'. Это слово прошло примерно тот же путь семантического развития, что и др.-русск. лице, поэтому уже в древних переводах слово лице соответствует слову πρόσωπον едва ли не во всех значениях: 'лицо человека' (лице твое оумыи/27/), 'передняя, верхняя часть'(сѣть бо приидетъ на вcѧ живоущиѧ на лици всеѧ земли/28/), 'внешний вид' (лице оубо нбси оумѣете расоуждати а знамениѣ врѣменемь не можете/29/; славянский текст передает противопоставление πρόσωπον - σημεῖον противопоставлением лице - знамение; смысл этого противопоставления заключается в том, что Иисус Христос обличает фарисеев, которые хорошо разбираются в метеорологических явле-

ниях на небе, но не могут распознать знаков наступления нового времени; можно сказать, что это противопоставление знаков, означающих материальные процессы(багровое небо - знак хорошей погоды), и знаков, означающих духовные процессы(знамения времен); поэтому употребление слова лице в этом контексте не только привычно в качестве эквивалента греч. πρόσωπον, но и оправданно по смыслу, так как лице - это понимание предмета в свете его материальности; слово лице в этом контексте употреблено и в других евангелиях, в том числе и в синодальном, как церковнославянском, так и русском; лишь в новых переводах произведены замены выражения лице неба: в переводе о.Л.Лутковского - "Небесные явления умеете распознавать, а знамений времени узнать не можете?"/30/, в переводе нью-йоркского Всемирного Библейского переводческого центра - "Вы умеете различать, как выглядит небо, но не способны различить знамения времени этого"/31/), 'личность'(посъла вѣстьникы прѣдъ лицемъ своимъ/17/), 'маска'(дьньсь июда нищелюбиıа мещеть лице и лихоимьства отъкрываеть образъ/32/; этот пример на первый взгляд противоречит тому, что до сих пор говорилось о словах лице и образъ, так как здесь лице обозначает нечто внешнее, неподлинное, а образъ, напротив, обозначает внутреннюю, подлинную суть. Однако это является противоречием только с абстрактно-лингвистической точки зрения. Если же мы будем толковать не значения отдельных слов, а смысл всего текста, то увидим, что слово лице здесь употреблено метафорически и создает яркую, зримую картину обнажения сути как сбрасывания какой-нибудь кожаной маски. Если бы было сказано: "июда нищелюбия мещеть образъ и лихоимьства открываеть лице", то это было бы правильно, но художественного образа уже не было бы. По существу это прием энантиосемия(может быть и "спровоцированный" греческим ориги-

налом), употребление слов в противоположном значении для достижения художественно-изобразительных целей: в самом деле, какая сила выражения - Иуда мещет лицо!).

Слово образъ использовалось для перевода более широкого круга греческих слов: μορφή 'вид, образ, наружность', εἶδος 'вид, наружность', σχῆμα 'наружный вид, образ, форма', εἰκών 'образ, изображение, подобие', στήλη 'столб, колонна', βρέτας 'кумир, истукан, статуя, изображение', τύπος 'отпечаток, изображение', χαρακτήρ 'черта, знак, примета, отличительное свойство', σύμβολον 'знак, символ, знамение', ὑπόδειγμα 'образец, пример, копия', τρόπος 'образ, способ'. Как видим, внутренняя форма 'сформированный резанием' → 'изображение' становилась формой представления весьма широкого круга значений, однако большинство из них впоследствии утратилось и теперь выражается заимствованиями: морф, икона, троп, идея, схема, парадигма, характер, тип, символ. Исчезновение большинства исторически засвидетельствованных значений слова образъ М.И.Чернышева объясняет тем, что "концентрация в одном слове редкого смыслового богатства ... привела к его семантической перегрузке"/32/. Это отчасти верно, но главное, на наш взгляд, заключается в том, что не всякая семантическая калька вписывается в вектор семантического развития слова. Напомним, что символ(по определению А.Ф.Лосева) "есть принцип бесконечного становления с указанием всей той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления"/33/. При символической интерпретации семантической эволюции слова мы хотим понять направление этого развития, иными словами, беря слово как символ, мы хотим рассматривать его вместе с законом его семантического развертывания, становления, реализуемым в истории языка. Семантическая эволюция слов лице и образъ была различной: у слова лице, обозначавшего предмет по признаку оформ-

ленности литьем, происходит постепенное метонимическое замещение предмета его частью, и это слово начинает обозначать телесно-духовную сущность в живом единстве внешней и внутренней ее сторон; слово образъ, будучи обозначением предмета по признаку оформленности резанием, напротив, все более отдаляется от сущности, у него появляются значения внешнего вида, подобия, знака. Такова "идея" этих слов, сформировавшаяся в истории русского языка при многочисленных отклонениях от этой "идеи", которые засвидетельствованы в памятниках письменности и зафиксированы в исторических словарях.

После того как эти "идеи" слов сформировались, они начинают оказывать обратное влияние на мышление. Когда в рассказе "Шерамур" Н.С.Лескова мы читаем, что малограмотной няне "не понравилась легкомыслие и шутливость, с которыми все мы относились к Шерамуру; она не стерпела и заметила это.

-Нехорошо, - сказала она, - человек ничевошный, над ним грех смеяться: у него есть ангел, который видит лицо.

-Да что же делать, когда этот человек никуда не годится.

-Это не ваше дело: так Бог его создал"/34/, мы видим,что лицо прямо связано с замыслом Бога о человеке, то есть с его подлинной сутью.

Л.П.Карсавин, очень чуткий к языку философ, свое учение о симфонической личности начинает с анализа обычного словоупотребления с целью нащупать заложенную в словах идею: "В применении к человеку слово "лицо" означает нечто существенное и потому постоянное, своеобразное и неповторимое. Таков смысл выражений: "он человек не безличный", "у него есть лицо" и т. п."/35/; "Образ" склоняет к мысли не о самой сущности, а об инобытии, отображаемом ею, или - к мысли о личности, поскольку она в себе воспроизводит инобытие, хотя бы и многоаспектно,

Так мы говорим о человеке как "образе Божьем"/36/. В западноевропейских языках понятие личности обозначается словами, восходящими к лат. persona, внутренней формой которого является 'маска, харя', в связи с чем Л.П.Карсавин делает любопытное замечание: "Большое несчастье для западного метафизика, что ему приходится строить учение о личности, исходя из понятия "хари"... Не случайно, думаю, в русском языке со словом "персона" сочетается смысл чисто-внешнего положения человека, частью же - смысл внутренно необоснованной и надутой важности, т.е. обмана"/37/.

Как видим, и лесковская няня, и философ мыслят одними и теми же созданными языком "мыслеобразами", или "идеями", слов лицо и образ.

Теперь у нас есть все необходимое для ответа на вопрос о смысле замены слова образъ словом лице применительно к лицам Божественной Троицы. Можно думать, что слово образъ подавало повод трактовать догмат о Св.Троице в еретическом духе антитринитариев-модалистов, которые видели в Боге безразличное единство, а "в Лицах Святой Троицы видели формы или образы, в которых оно открывается миру. Так, в Ветхом Завете Бог открывается в образе или форме Бога Отца, в Новом Завете, для искупления рода человеческого, Он явился в форме или виде Сына, в лице Иисуса Христа, страдал и умер, отчего этого рода еретики называются еще патрипасианами(допускающими страдания Бога Отца); наконец, в виде Духа Святого Бог является в благодатном освящении и возрождении людей. Таким образом, и этого рода антитринитарии отрицали личное Бытие Лиц Святой Троицы"/38/. Заменой слова образъ на слово лице как раз устранялся повод для такого неправославного истолкования догмата. Переводчик второй редакции "Константинова дара", таким образом,

предстает перед нами не как бездумный ремесленник, а как человек, который старается вдумываться в смысл того, что он переводит, а также подобрать такой лексический эквивалент, который наилучшим образом выразит этот смысл.

В заключение отметим следующее. Взгляд на слово как на единицу словаря явно недостаточен. Даже вся совокупность исторически засвидетельствованных значений слов не поможет ответить на многие вопросы о смысле их употребления. "Словарный" взгляд на слово должен быть дополнен символическим, когда слово рассматривается как *орудие человеческого мышления*, а его семантическая эволюция рассматривается как становление и бесконечное историческое воплощение "идеи" слова. Такой подход не отменяет "словарного", а опирается на него и дополняет его. Главное же, на наш взгляд, в том, что только при таком подходе оказывается возможной достоверная интерпретация многих фактов употребления слова в текстах древней и новой литературы.

Примечания

1. См., например; Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.,1991. С.4.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.,1984.С.315.
3. РГБ, фонд № 113, №558. Л.418об.
4. РГБ, фонд №204, № 54. Л.103.
5. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. Т.3. М.,1987. С.106.
6. См.: Чернышева М.И. К истории слова образ // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М.,1991. С.101.
7. См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред.О.Н.Трубачева. Вып.15. М., 1988. С.77-78.
8. Мурьянов М.Ф. Об одной пушкинской эпиграмме // Изв.АН СССР. Сер.лит. и яз. Т.48, № 3, 1989. С.224.
9. Там же. С.225
10. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. С.48-49.

11.Там же. С.49
12.См.: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т.2. Ч.1. М.,1989. С.30-31; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.8. М.,1981. С.254-257.
13.Изборник 1076 г. М.,1965. Л.80об2.
14.Там же. Л.181об13.
15.Успенский сборник XII-XIII вв. М.,1971. Л.9а18.
16.Там же. Л.146б29.
17.Мариинское евангелие. СПб.,1883. Л.239.8.
18.Успенский сборник. Л.84г5.
19.Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание. М., 1983. Л.226г.
20.См.: Срезневский И.И. Указ. соч. С.539-542; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.12. М.,1987. С.133-135.
21.Изборник 1076г. Л.230об13.
22.Мариинское евангелие. Л.184.14.
23.Успенский сборник. Л.205а18, 302а14, 301б3.
24.Там же. Л.137в14, 187б4.
25.Лексика и фразеология "Моления" Даниила Заточника. Л., 1981. С.130.
26.См. об этом же: Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.,1986. С.125.
27.Мариинское евангелие. Л.16.11.
28.Мариинское евангелие. Лк.21.35.
29.Мариинское евангелие. Л.55.4
30.Литературная учеба. № 1, 1990. С.118.
31.Благая весть. Новый Завет. М.,1990. С.23.
32.Чернышева М.И. Указ. соч. С.107.
33.Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.,1976. С.35.
34.Лесков Н.С. Собр.соч. в 11 тт. Т.6. М,,1957. С.288.
35.Карсавин Л. Религиозно-философские сочинения. Т.1. М., 1992. С.19.
36.Там же. С.24.
37.Там же. С.25.
38.Тальберг Н. История христианской церкви. М.,1991. С.66.